

Поскольку за ними следовал оператор, выражение лица Цзянь Наня было видно совершенно отчётливо.

Сидящий юноша на мгновение весь напрягся, словно одеревенел. Потом медленно, исподволь, краснота залила его глаза. Он опустил голову, скрывая странное мерцание во взгляде, и тихо отозвался:

— Спасибо, мама.

Цю Кай коротко откликнулась и лишь тогда положила трубку.

Едва звонок оборвался, Цзянь Нань тут же набрал видеовызов в WeChat. На противоположной стороне экрана виднелся интерьер студии — он сразу узнал её: рабочее пространство, которым Цю Кайди обычно пользовалась.

— Сними, покажи мне, — сказала Цю Кайди.

Цзянь Нань ответил согласием и принялся внимательно снимать вышитого феникса перед собой — так тщательно, что в кадр попали и стежки, и текстура нитей. Во время съёмки он и сам размышлял, вдумчиво анализировал, в голове всплывало всё, чему он когда-то учился.

Наконец Цю Кайди сказала:

— Всё, достаточно.

Цзянь Нань отложил телефон и негромко спросил:

— У тебя есть какие-то идеи?

— Когда ты впервые увидел этот глаз, у тебя уже были мысли? — она не стала сразу давать ответ, а мягко направляла его. — С чего ты собираешься начать?

Цзянь Нань был предельно сосредоточен. Он жестом обвёл фигуру феникса:

— Эта мастерица использовала технику, близкую к сучжоуской вышивке. Это как раз те стежки, с которыми я хорошо знаком. Когда я увидел её впервые, очень обрадовался — подумал, что переделать будет легко. Но когда взял работу в руки, понял, в чём её особенность: здесь слишком много вариаций построения узора. Особенно в области головы и глаз — стоит потянуть за одну ниточку, и меняется всё.

— Проблему ты определил верно, — сказала Цю Кайди, — но...

Они вдвоём, словно никого вокруг не существовало, углубились в обсуждение, полностью забыв о миллионах зрителей. Их слова звучали сложно и насыщенно, так что у неподготовленного слушателя начинала гудеть голова.

У зрителей, впрочем, тоже нашлось немало мыслей:

«Это что, Цзянь Нань позвал подмогу?»

«Да ладно, это же его мама, чего тут язвить.»

«И правда, тётя же не вышивает за него, она только подсказывает.»

«Старик ведь не запрещал советоваться, что за странные претензии.»

Большинство зрителей всё же сохраняли здравый смысл. А у Цзянь Наня уже сложилось чёткое понимание, и он принялся за работу. Он ловко вдевал нить в иглу, закреплял одежду на станке — движения были отточенными и уверенными. С детства привыкший к вышивке, он обладал длинными, изящными пальцами, и даже простое движение вдевания нити выглядело красиво и грациозно.

Когда появляется мысль, рука движется быстро. Глаз феникса, прежде резкий и немного жёсткий, под его иглой всего за несколько стежков начал оживать — в нём проступил дух, появилась красота и выразительность.

Зрители не скрывали восхищения:

«Вот это да.»

«Такое чувство, будто в глазах сразу появилась жизнь.»

«Вышивальщик — это тот, кто дарит ткани душу.»

«На фоне этого вся машинная печать выглядит жалко. Эта фактура, это внимание... неудивительно, что ручная вышивка такая дорогая. Я тоже хочу этому научиться!»

Обсуждения сыпались одно за другим, и почти все были настроены оптимистично по отношению к Цзянь Наню.

Когда феникс был вышит полностью, уже наступило послеобеденное время. Цзянь Нань по привычке держал на каменном столе пачку салфеток и флакон с глазными каплями: в процессе работы он то и дело закапывал глаза и вытирал слёзы — съёмочной группе пришлось несладко.

Ведь никто не заплатил за рекламу этих капель! А это ещё и прямой эфир — вырезать ничего нельзя. Ну разве не обидно?

Зрителям тоже было его жалко:

«Наш Нань-Нань так старается...»

«И зачем ему вообще понадобилось учиться опере? Не понимаю.»

«Наверняка есть причина, раньше он ведь не рвался на сцену.»

«Глазам, наверное, ужасно тяжело.»

В конце концов всё было готово. Золотистая ткань сияла под солнечными лучами; когда его подняли, свет проходил сквозь неё, и феникс выглядел почти живым. Один глаз сверкал особенно ярко — в тёплом, янтарном сиянии казалось, будто птица только что возродилась из огня. Красота была ослепительной.

Лю Юцин медленно подошёл и долго смотрел, не отрывая взгляда.

Цзянь Нань улыбнулся:

— Ну как вам?

— Сносно, — Лю Юцин кивнул, с величайшей бережностью поднял одеяние и убрал в ящик. — Но не думай, что раз помог мне переделать халат, я стану тебя учить.

— Даже если вы не будете учить, — спокойно ответил Цзянь Нань, — я всё равно попробую.

Лю Юцин на мгновение растерялся.

— Мне всё это по-настоящему нравится, — сказал Цзянь Нань, присев на корточки у ящика. — В детстве я постоянно имел дело с вышитыми театральными халатами. Тогда опера ещё не пришла в такой упадок. В старом городе В были очень популярны ципао, да и сценические костюмы тоже — когда долго «общаешься» с самыми разными тканями, поневоле начинаешь любить то, какими красивыми они могут быть в своём лучшем виде.

Он помог Лю Юцину застегнуть костюм и, словно между прочим, добавил:

— Думаю, если однажды у меня совсем не сложится с карьерой, я открою магазин одежды. Буду шить себе потихоньку — разве плохо? У каждого поколения свои увлечения, но всегда найдётся небольшая часть людей, которым это по душе. Старое ремесло... тут ведь не столько про «наследие» или «преемственность». Мне просто будет радостно видеть, что кто-то это будет носить.

Точно так же, как с оперой.

Я не заставляю других принимать её.

Мне достаточно знать, что в зале есть зрители, что сцена возведена, — и мне уже радостно.

Лю Юцин долго молчал, прежде чем заговорить:

— Оперу сейчас мало кто понимает. Её любят только такие старые кости, как мы. А вы, молодёжь, — вспыхнули и остыли за три минуты. О какой там «радостно» можно говорить?

Цзянь Нань улыбнулся:

— Если старикам нравится — значит, будем петь для стариков. Да, я айдол, но моя аудитория — не только молодёжь. Бабушки и дедушки тоже телевизор смотрят, верно? А потом, если мы не понимаем, так это потому, что нас никто не учил. Вы нас научите — и мы поймём.

Он говорил всё так же мягко и спокойно, с улыбкой глядя в камеру:

— Подумайте сами: оперу в учебниках не проходят, родители тоже редко объясняют. Откуда нам её понимать? Я верю, что большинство людей вовсе не отвергают национальное искусство. Просто дайте шанс — и мы купим пару билетов, придём в театр, послушаем, как мастера поют. Молодёжи ведь тоже нужно время.

Цзянь Нань всегда говорил негромко, чисто и тепло — словно сидишь у журчащей речки, и лёгкий ветерок ласкает лицо. Без громких лозунгов, без пафоса, но почему-то его слова проникали прямо в сердце.

Многие зрители в чате яростно соглашались:

«А мне вообще-то нравятся эти головные украшения, и это “ии-и-я” тоже красиво звучит».

«Вот именно! Я не не люблю — я просто не понимаю».

«Ааа, вдруг тоже захотелось слушать оперу вместе с Нань-Нанем».

«??? Это что, я в этом году благодаря развлекательному шоу вдруг начну понимать оперу?»

«Вдруг осознал, насколько это круто. У этого шоу реально есть смысл — его же смотрят сотни тысяч! Если все научатся слушать оперу, один расскажет десяти, десять — сотне... наше национальное искусство воспрянет!»

Темы в Weibo тем временем стремительно шли вверх.

А в это же время Ли Чуань — уже на обратном пути — получил сценарий «Облака и Дым Столицы».

Помощник осторожно сказал:

— Брат Ли, в «Облаках» вроде бы оба главных мужских персонажа уже утверждены. Первый — сам режиссёр, Бай Цзинхуэй. А второй, я слышал...

Ли Чуань рассеянно пролистал сценарий, прочёл несколько страниц и лишь потом поднял взгляд:

— И что же «слышал»?

Помощник стиснул зубы и выдал:

— Хотят взять Цзянь Наня. Он ещё даже не проходил пробы, но режиссёр больше никого не ищет. Говорят, он ждёт именно его.

???

Ли Чуань приподнял веки и пристально посмотрел на помощника, взгляд стал глубоким и тяжёлым.

Тому стало не по себе:

— ... Что-то не так?

Ли Чуань отвёл глаза. «Облака и Дым Столицы» — история, где любовь и ненависть переплетены. Один из главных героев — вернувшийся из-за границы военный диктатор, которого играет Бай Цзинхуэй. Цзянь Наню же достаётся роль блистательного театрального кумира Фэй Тина. А сам Ли Чуань появляется в образе второстепенного персонажа — мужчины, который предал Фэй Тина и оставил его. Пусть за этим и скрывались вынужденные причины, но их линия всё равно заканчивалась печальным разрывом.

И это ещё полбеда.

Проблема в том, что у Фэй Тина и персонажа Бай Цзинхуэя было немало интимных сцен. А Бай Цзинхуэй — человек, который во всём идёт до конца и категорически не признаёт дублёров. Про боевые сцены с заменой можно забыть... а уж тем более — про дублёров в поцелуях.

<http://bllate.org/book/12642/1121331>